

Сергей Изуграфов
Пять амфор фалернского

Детективная серия «Смерть на Кикладах»

Сергей Изуграфов

**Пять амфор фалернского.
Детективная серия
«Смерть на Кикладах»**

«Издательские решения»

Изуграфов С.

Пять амфор фалернского. Детективная серия «Смерть на Кикладах» / С. Изуграфов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746214-7

Алекс Смолев переезжает из Санкт-Петербурга на греческий остров Наксос, где Алекс покупает виллу и виноградник. Загадочные убийства постояльцев виллы и жителей острова заставляют Смолева принять активное участие в расследовании преступлений. Ему помогают его друзья, работники виллы, инспектор уголовной полиции острова и даже Бюро Интерпола в Греции. И вот снова очередное преступление ставит полицию в тупик...

ISBN 978-5-44-746214-7

© Изуграфов С.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть первая	9
Часть вторая	17
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Пять амфор фалернского Детективная серия «Смерть на Кикладах»

Сергей Изуграфов

© Сергей Изуграфов, 2018

ISBN 978-5-4474-6214-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как-то Жак Ив Кусто обнаружил на дне

Средиземного моря бутылку римского вина, возраст которой он оценил в 2000 лет. Поднявшись на поверхность, он выпил ее содержимое. Когда его спросили, каким на вкус оказалось вино, он признался: «Немного солоноватое».

Правдивая история.

Пролог

Баланс между событиями, радостными и
печальными, неукоснительно соблюдается.
Анатолий Алексин, «Добрый гений»

Димитрос Аманатидис радостно взбежал по лестнице, что вела с галереи с номерами для гостей на верхнюю ресторанный террасу виллы «Афродита».

Он страшно спешил, летя, словно на крыльях, от возбуждения перепрыгивая сразу через несколько ступеней. Ему не терпелось поделиться радостной новостью со своей матерью. Его русский друг Алекс в очередной раз пришел их семье на помощь! Теперь их с Марией мечта о большом доме в долине осуществится гораздо быстрее. Как им повезло, что в один из благо-словенных дней этого лета гость с далекого севера сошел на берег Наксоса и поселился у них на вилле!

– Мама, мама, где ты? – закричал он, едва ступив на террасу. Из кухни выглянуло встревоженное лицо младшей горничной и, по-совместительству, официантки Артеми. – Где Ирины? У меня для нее прекрасная новость! Мама, ну где же ты?

– Они с Марией и Катериной разбирают старинные семейные рецепты. Что ты так кричишь? – осуждающе покачала головой официантка. – Распугаешь гостей!

– У нас праздник! Позови их, Артеми, это срочно! Мама, Мария, скорее сюда!

Но звать никого не потребовалось: на крики обычно такого спокойного и уравновешенного Димитроса на террасу в тревоге выскочили все, кто находился на кухне.

– Димитрос, ради всего святого, что ты так кричишь? Что еще случилось? – держась рукой за сердце, взволнованно спросила матушка Ирины. – Ты меня совсем перепугал! Мало мне волнений было в последние дни?

– Мама, у нас праздник! – счастливо рассмеялся Димитрос, крепко обнимая свою мать и жену. – Мария, все прекрасно, ты помнишь, я говорил, что все будет хорошо? Все сбывается! Он покупает виллу! Он покупает все: виллу, таверну, лодки! И платит гораздо больше, чем мы планировали выручить. И платит сразу всю сумму. Сразу всю! Когда он мне сказал, я своим ушам не поверил. Это просто какое-то чудо! Нам сам Бог его послал! Мы сможем к осени построить дом и переехать на ферму! И уже этой осенью мы снимем первый урожай и разольем вино по бочкам! Наше с тобой первое вино, фиорина!

– Кто? Кто покупает виллу? Кто платит? – не поняла Ирины. Она совершенно растерялась. – Так быстро? Ведь прошла всего неделя...

– А еще он покупает землю под виноградник в долине, рядом с нами, и мы будем вместе выращивать виноград, – те сорта, которых еще никогда не было на Наксосе! Мы будем первыми! И он отдает этот виноградник мне в управление! Мне! Только представь, любимая: мы сможем экспериментировать с новыми сортами, чего до нас еще никто на острове не делал! Я и мечтать о таком не смел! – Димитрос счастливо рассмеялся, подхватил на руки жену и закружил ее в воздухе.

– Да кто же он? – смеясь, замолотила Мария острыми кулачками в грудь мужу. – Можешь ты толком объяснить, балбес, или мы тебя сейчас поколотим? Поставь меня на пол! Катерина, неси швабру и веник, мы его проучим!

– Как, я не сказал? Алекс! Конечно, Алекс. Кто же еще? – искренне недоумевая, ответил Димитрос, отпуская Марию и падая в изнеможении на стул. – Алекс Смолев, русский, покупает нашу виллу. Он остается жить на Наксосе! Мы вместе были у нотариуса, он уже готовит документы. Сейчас Алекс пошел в банк, узнать, как быстро они смогут перевести деньги. Кстати, он просил меня вам передать, что весь персонал остается работать!

– А-а-а! – раздался общий радостный крик всех присутствующих.

Все любили Алекса. За этот неполный месяц, что он прожил на вилле, он успел завоевать всеобщее доверие, уважение и любовь.

Матушка Ирины без сил опустилась на стул рядом с сыном. От радости у нее на глазах навернулись слезы.

– Господи, какое счастье, сынок, что такой достойный человек купит нашу виллу и таверну. Я ночами не спала, все думала, думала... Сердце было не на месте... А теперь какие могут быть сомнения? Но мы обязательно должны ему помочь во всем разобраться. И снова открыть таверну, он сам не справится. Он человек одинокий, неженатый, а что мужчина понимает в хозяйстве? Не мужское это дело. Это же сколько хлопот: надо срочно искать повара, бармена, официантов! А достойных и трудолюбивых еще поискать. Надо договориться с поставщиками вина и ракии, с фермерами, с рыбаками! Он же никого не знает, его могут обмануть. Надо побелить все стены, крышу у таверны перестелить, все отремонтировать до моего отъезда на материк, иначе я не смогу смотреть ему в глаза! Мне душа не позволит. И что люди скажут? Что Ирины Аманатиди все бросила и уехала? Совсем, скажут, совесть потеряла на старости лет, – женщина решительно и гордо покачала головой и легонько пристукнула сухой ладонью по столу. – Нет, такому не бывать!

Сын успокаивающе взял ее руки в свои. Мария встала рядом с мужем и нежно обняла его за плечи.

– Мама, мы все сделаем, не волнуйся! Кстати, ты знаешь, как он назовет таверну? Он сказал, что другого варианта и быть не может. Он назовет ее в честь тебя и папы! «У Ирины и Георгиоса!». Папа был бы очень рад.

– Тем более! – растроганно сказала Ирина, после паузы, осмыслив услышанное и утирая непрошеную слезу. – Тем более! У меня душа не будет спокойна, если мы ему не поможем все организовать! Какой сегодня счастливый день! Что ты сидишь? А что вы стоите? – накинулась она на Димитроса и на веселящийся персонал. – Мария, доченька, гони их всех быстро на кухню! Ты – хозяйка сегодня. Димитрос, а ты ступай в погреб! Готовьте стол, чтобы к моему приходу все было готово. Я схожу в церковь, помолюсь, расскажу своему старику, как мы счастливы, и попрошу у Господа помощи для этого светлого человека. И чтобы сегодня были музыканты и танцоры, слышите меня?!

– Мама, но мы собирались с Алексом сегодня объехать остров и посетить виноградники. Я обещал, что мы сможем заехать к старому Спанидису, чтобы тот рассказал Алексу про островное виноделие, а потом мы хотели вместе выбрать участок! – растерянно произнес Димитрос.

– Вот завтра и поезжайте! – тоном, не терпящим возражений, заявила Ирина. – А сегодня у нас будет праздник! Что стоим, кого ждем? А ну, живо за дело!

Решив все организационные вопросы с банком, Алекс решил прогуляться по набережной вдоль линии ресторанов и таверн.

Ну вот, подумал он, ты и решился. «Значит, остаешься?» – сам себе задал он вопрос. – «Значит, остаюсь!»

Решение принято, и на душе стало легче. Теперь понятно, что надо делать и чем заниматься.

Из статуса праздного отдыхающего очень скоро он перейдет в статус хозяина – и заботы о вилле и винограднике поглотят его целиком, не давая всяким глупым мыслям портить ему настроение.

«Ой ли?» – поинтересовался его настырный внутренний голос. – «Сам-то в это веришь? С чего ты взял, что я перестану объяснять тебе очевидные вещи? Да и как вообще ты решил справиться со всем этим хозяйством один, без хозяйки? Не пора ли тебе, наконец, задуматься...»

В этот момент неприятный для него внутренний диалог был, к счастью, неожиданно прерван яростным громким спором и криками.

Алекс поднял глаза и сориентировался.

Он обнаружил себя как раз напротив таверны Софии. У входа в таверну собралась группа людей. Среди них были местные рыбаки и просто зеваки. Он увидел в толпе старого Никоса, стоявшего с опущенной головой, и его сына.

Костас что-то сердито и резко выговаривал молодому парню, стоявшему с надменным видом у входа в таверну, сложив руки на груди.

Выслушав Костаса, этот парень пренебрежительно усмехнулся, махнул рукой и что-то ответил брезгливым тоном.

Костас рванулся вперед, но сильные руки рыбаков удержали его. Парень быстро исчез в глубине таверны.

Постояв еще немного времени, местные стали расходиться, качая головами и вполголоса переговариваясь. Скоро остались только поникший старый рыбак и его сын.

– Костас! – позвал Алекс. – Кали мера! Как дела?

– Алекс! – просветлел лицом на мгновение молодой грек и снова сник. – Кали мера! Все плохо.

Смолев подошел к грекам и тепло поприветствовал старого рыбака, стоявшего с расстроенным лицом. Тот силился улыбнуться, но улыбка вышла неважной.

– Да что у вас тут произошло? – обеспокоенно спросил Смолев, став серьезным.

– Старая София болеет. Сын увез ее на материк, будет операция. Говорят, что вернется она не раньше, чем через месяц, а то и два. Да и вряд ли она снова займется делами. Теперь таверной управляет ее племянник. Он – полный идиот! Мой старик сорок лет привозил Софии рыбу, каракатиц и кальмаров. Отец – рыбак, в этом смысл его жизни, да и заработок. А племянник Софии решил, что таверна заработает больше, если будет продавать пиццу, гамбургеры, картошку фри и кока-колу. Мол, туристам эта еда знакома, выручка будет больше. А морепродукты быстро портятся, мол, – сплошной убыток. Собрался увольнять повара Петроса. Да тот и сам бы ушел: станет он ему гамбургеры жарить! Все бы ничего, да только отец у меня остался без работы. У всех таверн – свои поставщики, им тоже надо на что-то жить.

– Ясно, – с облегчением произнес Алекс.

Ну, вот как все складывается, подумал он. Вот ты уже и занимаешься хозяйством.

– Костас, послушай меня. Первое: весь сегодняшний улов несите на кухню «Афродиты», скажете, что я попросил, там все примут. Найдешь Димитроса, он все им объяснит и рассчитается с Никосом. Второе: с завтрашнего дня я буду покупать у твоего отца весь улов. А через две недели откроется старая таверна Аманатидисов. Она будет называться «У Ирины и Георгиоса». И я хочу, чтобы все кальмары, что поймает Никос, до единого, помимо рыбы, шли только туда, хорошо? Платить там будут в полтора раза больше, чем платили у Софии. Все понял? Переведи отцу. Третье: скажи повару, который собрался увольняться, что я хочу с ним переговорить, пусть придет сегодня вечером на виллу часам к восьми. Только обязательно скажи! И еще. Мне понадобится твоя помощь с лодкой. Ее надо будет отремонтировать, покрасить и спустить на воду. Так что вечером тоже приходи, обсудим. И доброго вам дня! – Алекс похлопал Костаса по плечу, кивнул Никосу и отправился дальше.

Костас какое-то время стоял с разинутым от удивления ртом.

Потом его осенило. Смолев за это время успел отойти на значительное расстояние.

– Алекс, так вы теперь новый хозяин «Афродиты»! – радостно крикнул молодой грек на всю набережную.

Ну вот, теперь и весь остров знает, подумал Алекс.

Часть первая

Вы знаете, что греки с их горячим темпераментом готовы к праздникам каждый день?

Из «Путеводителя по Кикладским островам»

Вернувшись после обеда в таверне у Леонидоса на виллу, Смолев, зайдя к себе в номер, первым делом распечатал конверт, что пришел еще на прошлой неделе. События последних дней не дали ему возможности заняться этим вопросом. А вопрос был важный.

В конверте он, как и ожидал, обнаружил письмо на испанском от управляющей «Благотворительным Фондом Карлоса и Долорес Мойя» в Мадриде Стефании Моро.

Но чего он совершенно не ожидал, так это того, что по завещанию покойного синьора Мойи он назначался не только полномочным представителем Фонда на Кикладских островах с годовым окладом в сто двадцать тысяч евро, но и наделялся правом распоряжаться по своему усмотрению бюджетом до пяти миллионов евро в год на проекты, которые утверждены Фондом.

На ближайшие три года, сообщалось в письме, – это строительство и работа бесплатного многопрофильного медицинского центра на Наксосе.

Стефания Моро выражала надежду на полное взаимопонимание и успешное сотрудничество, а также просила связаться с ней по телефону, когда у «синьора Смолева» появятся время и возможность.

Что ж, подумал Алекс, время и возможность у синьора, похоже, появились именно сейчас. Он пожал плечами и набрал номер, указанный в письме.

– Алло, слушаю! – в трубке раздался неожиданно звонкий девичий голос. – Говорите, я слушаю!

– Добрый день, меня зовут Алекс Смолев, – откашлявшись, сообщил Алекс невидимой собеседнице.

У него отчего-то вдруг невовремя запершило в горле, и конец фразы смазался. Он ожидал услышать солидный голос дамы в годах, а тут – совсем детский сад. А с юными дамами работы не будет, Алекс знал по опыту. Одни эмоции и нулевой результат. Но делать нечего, нарушить волю покойного было бы свинством. Придется терпеть. Шрам на левом виске запульсировал, он раздраженно потер его указательным пальцем и, выровняв дыхание, сухо продолжил:

– Я говорю с госпожой Моро? Моя фамилия Смолев, – повторил он. – Вы написали мне письмо. Речь идет о строительстве больницы на Наксосе по завещанию синьора Мойи.

– Синьор Смолев! Наконец-то! – с неподдельной радостью отозвалась трубка, и было слышно, как его собеседница взволнованно сказала кому-то, находившемуся с ней рядом «С ума сойти! Это он!» – Зовите меня просто Стефанией, прошу вас! Мы уже собирались вас разыскивать. Постойте! Вы разве испанец?

– Нет, я русский, – почти сердито ответил он.

И сам удивился своему нараставшему раздражению. Спокойствие, только спокойствие.

– Удивительно! Но вы говорите по-испански так, словно прожили в Мадриде всю жизнь! Хотя нет, что я выдумываю, вы говорите по-испански гораздо лучше! – весело рассмеялась Стефания. – Вы для нас большая загадка, синьор Смолев. А теперь и вдвойне.

– Алекс. Зовите меня Алекс. Что же во мне загадочного? – снова искренне удивился он.

Невесть откуда взявшееся раздражение постепенно отступало. Он вышел на балкон и подставил пульсирующий висок под свежий морской ветер, что нес запах водорослей и йода.

– Благодарю вас, Алекс. Так вот, получив письмо от синьора Мойи, мы были крайне удивлены. Вы должны нас понять: бюджет, который выделен на проект госпиталя, превышает

половину всех средств, что тратит Фонд на благотворительность в год. Все решения обычно проходят через Совет Директоров, а здесь предоставляется право на прямое управление капиталом Фонда в обход всех утвержденных процедур! Я третий год возглавляю Фонд и, к сожалению, никогда не слышала ранее о близком друге синьора Мойи из России. Естественно, мы заволновались.

– Я понимаю вас, Стефания. Поверьте, я был удивлен не меньше, – уже совсем спокойно сказал Алекс.

Похоже, несмотря на молодость, его собеседницу было сложно упрекнуть в недостатке профессионализма. Он удобно уселся в кресло, откинул голову и прикрыл глаза.

– Я запросила официальным письмом синьору Долорес, надеюсь, вы простите нам эту понятную предосторожность, Алекс. Мне хватило бы и ее простого «да» по телефону, но она, отложив все дела, приехала в штаб-квартиру Фонда сама и полностью подтвердила ваши полномочия и статус. Это произвело на нас большое впечатление. Более того, она сообщила нам, что вы оказали семье Мойя неоценимую помощь в важнейшем деле, – и все наши сомнения разом отпали. Поэтому вы для нас такая загадка, Алекс, – снова весело и непосредственно рассмеялась испанка. – А тут вы еще не звоните уже неделю. Что мне оставалось делать? Пришлось купить билет на самолет в Афины, а оттуда до Наксоса, чтобы самой отправиться на ваши розыски. В таком серьезном деле как благотворительность необходимо знать человека лично.

– Прекрасно, – в свою очередь с облегчением улыбнулся Смолев.

Зря он на нее окрысился. Похоже, она знает, что делает! Алекс терпеть не мог работать с дилетантами. Но по всему выходит, что это не тот случай. Может и сработаемся, мелькнуло у него в голове.

– Приезжайте, Стефания! Мы вас встретим и поселим. Номер с видом на море на прекрасной вилле я гарантирую. Все вопросы обсудим на месте. Когда вы прилетаете? В воскресенье? Ну и чудесно. До встречи в аэропорту!

Алекс уже давно повесил трубку, но еще долго сидел в кресле с прикрытыми глазами, задумчиво прислушиваясь к себе.

Какое-то предчувствие зародилось глубоко в его душе. Еще совершенно не оформленное и не осязаемое, но настолько новое и непривычное, что он удивился. Странно было и то, что его внутренний голос молчал. Молчать-то он молчал, но уж как-то больно вызываяще...

Из задумчивости его вывел громкий стук в дверь. На пороге стояли улыбающиеся Димитрос и Мария. Димитрос сиял, как тульский самовар. Мария, подпрыгнув, обвила руками шею Алекса и расцеловала его.

– Все собрались, – загадочно произнес Димитрос, не переставая не менее загадочно улыбаться. – Пойдемте, Алекс!

Молодожены взяли его за руки и повели за собой.

Только Смолев сделал шаг на верхнюю террасу, как немедленно раздались громкие приветственные крики, заиграла веселая музыка. Знакомые и незнакомые люди обступили со всех сторон, выражая ему свою искреннюю приязнь и поздравления.

Здесь были все: весь персонал виллы, гости, соседи, родственники Ирины. Греки шумно и непосредственно проявляли свою радость: хлопали его по спине, трясли ему руку, целовали в обе щеки, обнимали и передавали с рук на руки.

Не сходя с места, они пили за его здоровье тост за тостом, желая ему многих лет жизни в благоденствии и богатстве. Ведь он теперь один из них – островитянин! Вот только холостой, сокрушенно качали головами гречанки в возрасте, но мы обязательно ему поможем! На нашем острове самые красивые девушки во всей Греции – это давно всем известно!

Алекс не понимал ни слова, но кивал, широко улыбался, раскланивался, благодарно жал в ответ протянутые руки, покорно обнимался и хлопал по спине, принимал наполненные бокалы и пил за свое здоровье.

Наконец, он увидел и знакомые лица: улыбающихся Джеймса и Лили Бэрроу в компании какого-то седого высокого грека, в светлом костюме-тройке, накрахмаленной белоснежной сорочке, бордовом галстуке-бабочке и старомодных круглых очках. Его осанка могла достойно поспорить с выправкой самого Смолева.

Вывавшись, наконец, из замкнутого круга островитян, что горели желанием его поздравить, Алекс присоединился к англичанам.

Сопровождавший их грек отвлекся на телефонный разговор и отошел в сторону от музыкантов и шумно веселящейся публики.

– Бог мой, Алекс, это правда? – весело поинтересовался Джеймс. – Вы покупаете эту чудесную виллу?

– Алекс, решено! Мы ваши постоянные клиенты на ближайшие три сезона, как минимум, имейте в виду! – решительно заявила Лили, едва услышав положительный ответ. – А если Джеймсу продлят гранты на научные исследования здесь, на острове, то и еще на три года! Это так замечательно, не так ли, милый? – обратилась она к мужу. – Это славное место, мы очень переживали, что из-за смены хозяина нам придется съехать.

– Надеюсь, кухня не пострадает? – вдруг озабоченно спросил Джеймс. – Вы ведь не станете вносить серьезных изменений в местное меню?

– Что вы имеете в виду, Джеймс? – рассмеялся Алекс. – Что вас тревожит?

– Ну, не знаю... Вы же, наверно, захотите включить что-нибудь из русской кухни, – несколько растерянно произнес Джеймс.

Лили смотрела на мужа пристальным взглядом, ясно говорившим: только попробуй сморозить какую-нибудь глупость! Джеймс под ее взглядом стушевался и закончил фразу почти шепотом:

– Медвежатину там, я не знаю...

Лили схватила за голову. Алекс искренне расхохотался.

– Да, Джеймс, боюсь, что ваши представления о современной русской кухне несколько устарели! Поверьте, миллионы людей в моей стране никогда не то что не ели, а даже в глаза не видели живого медведя. И слава Богу! Это все стереотипы. Медведи, балалайки, черная икра, водка и матрешка, – все чушь и выдумки для богатых туристов. История и культура моей страны гораздо глубже и прекрасней. В том числе и ее кулинарные традиции. Захотите – я с радостью вас с ними познакомлю. Но не переживайте: я гарантирую, что никаких резких изменений кухня на вилле не претерпит. Ваш ночной кошмар – йоркширский пудинг или медвежатина здесь точно не появятся!

– Да? Правда? – с облегчением выдохнул археолог. – Вы меня очень успокоили, Алекс! Боюсь, что резкой смены меню на вилле я бы не пережил.

– Кстати, познакомьтесь, – представил он вернувшегося к ним высокого грека в тройке и бабочке. – Это мой коллега, тоже археолог, смотритель местного археологического музея Панайотис Феодоракис и, по-совместительству, ангел-хранитель нашего проекта.

– Очень рад знакомству, – на приличном английском немедленно откликнулся смотритель музея и, пряча мобильный телефон в карман, протянул Алексу холеную руку, вялую, как снулая рыба. – Наслышан о ваших приключениях на нашем острове. Мы с Джеймсом давно сотрудничаем, и, похоже, наша совместная работа начинает приносить плоды!

– Да, Алекс! – радостно перебил коллегу Джеймс. – Мы, слава Богу, наконец-то получили все разрешения благодаря Панайотису. Без него мы бы просто заблудились в местных бюрократических джунглях. Я было совсем уже отчаялся, и вдруг – бац! Как по волшебству – Министерство культуры Греции дает нам полное разрешение на подводные работы, при условии, что будет присутствовать их официальный наблюдатель от отдела подводной археологии. Да ради Бога! Вот ждем его со дня на день и сразу же начинаем подводные работы на затонувшем корабле. Милая, дай мне, пожалуйста, во-он ту мисочку!

– Что за корабль? – воспользовавшись паузой, поинтересовался Алекс у «ангела-хранителя», пока Джеймс с аппетитом отдавал должное салату хорьятики.

– Это корабль римского торгового флота, – ответил Феодоракис.

Пока он говорил, Джеймс одновременно жевал и кивал в такт его словам.

– Предварительная разведка показала, что он перевозил огромное количество амфор с маслом, вином и зерном. Думаю, что их там около двухсот. Точную датировку мы сможем произвести, когда поднимем первые амфоры на поверхность. Но, ориентировочно, по нашим оценкам, это скорее всего I-й век до нашей эры. Самый конец Римской Республики. Надеюсь, что мы найдем запечатанные амфоры с целыми пробками. Это такая редкость, это был бы огромный шаг вперед в науке.

– Найти вино, которое пролежало на дне две тысячи лет, – восхитился Алекс. – Это была бы находка века! Не говоря уже о ее ценности.

– Но оно наверняка превратилось в уксус, – сморщила прелестный носик Лили. – Пить его невозможно!

– Очень старые вина не пьют, дорогая Лили. Их хранят в специальных подвалах, где создают им все условия. Температуру, влажность. Это скорее инвестиции, чем напиток. Но обычно речь идет о вине, которое уже разлито в бутылки, – рассказал Смолев. – В данном случае очень велик риск проникновения в амфору морской воды за столько лет. Скорее всего, найти запечатанную амфору – шансы невелики. Если только ее не залили особо устойчивой смолой.

– Ну, а если все-таки найдем? – поинтересовалась Лили. – Что с ним делать? Мы его попробуем?

– Видите ли, – вступил в беседу молчавший до того Панайотис. – Дело в том, что в древнем Риме вина для перевозки часто выпаривали, превращая их в своего рода винный концентрат, очень плотный и тягучий. Именно поэтому их потом разбавляли водой. Ведь пить такую густую смесь невозможно. Лучшие сорта вин были настолько концентрированы, что при запечатывании в амфору между этим винным сиропом и пробкой из смолы и воска возникала прослойка спиртовых паров, которые вспыхивали, когда к открытой амфоре подносили огонь. Лучшие вина тех времен, возможно, как раз вследствие этих манипуляций, слегка горчили. Когда их переливали из амфор в специальные чаши для пиров и разбавляли родниковой водой, то одновременно и подслащивали медом. Кстати, эта традиция до сих пор жива на острове.

– Ракомело! – догадалась Лили.

– Именно. Даже лучшее из лучших – фалернское вино янтарного цвета из Кампании приходилось подслащивать медом. На эту тему у античных авторов есть много упоминаний, – смотритель музея поправил на носу свои старомодные очки и продолжил: – Гораций вспоминает его как самый изысканный напиток.

Археолог откашлялся и продекламировал по памяти:

– *«Тут ты, почувствовав жажду и позыв пустого желудка, презришь ли пищей простой? Перетерпишь ли жажду затем лишь, что фалернского нет, подслащенного мёдом гиметтским...»*

– А потом уже и Марциал, спустя целых сто лет восхищался этим же вином. За сто лет, только подумайте, винный эталон не изменился: *«Аттики мёд! Ты Фалерн обращаешь в нектарную влагу. Надо, чтоб это вино нам подавал Ганимед!»*

– Прекрасно, прекрасно! – захлопала в ладоши Лили.

Грек церемонно поклонился и аккуратно поправил бабочку.

– Будем надеяться, что нам повезет, да, Джеймс? – продолжила Лили.

– Конечно, милая! – ответил тот и нежно поцеловал супругу. – Кстати, – невпопад добавил он, – похоже, нам уже повезло. Я вижу вот на том столе один миленький подносик с аппе-

титными закусками. Какая удача: по-моему, это кальмары и креветки на гриле! И никого вокруг! Пойдите здесь, никуда не уходите, я сейчас вернусь!

Не успела Лили произнести ни слова, как он уже исчез. Англичанка только развела руками. Алекс весело рассмеялся. Джеймс был совершенно искренен, когда говорил, что резкой смены меню он не переживет.

– И все-таки, что мы будем делать с вином, если его найдем? – пыталась понять Лили.

– Если пробка не будет повреждена, если мы сможем поднять амфору на поверхность, не повредив и не разрушив ее, если в ней действительно окажется винный концентрат редчайшего фалернского вина и мы сможем аккуратно вскрыть амфору в лаборатории и извлечь его... – здесь археолог сделал паузу.

– Другими словами, перелить в бутылки... – подхватила Лили. – То тогда?

– То тогда, то тогда, – отчего-то замялся Феодоракис. – Сложно сказать...

– То тогда каждая бутылка этого вина, дорогая Лили, если это настоящий фалерн и в отличном состоянии, будет стоить на винном аукционе несколько миллионов евро, – спокойно договорил за археолога Смолев, внимательно наблюдая за ним. – А учитывая объем одной амфоры – пусть меня поправит уважаемый коллега, если я ошибаюсь – в тридцать литров, то весь груз корабля – это сотни миллионов евро.

– Боже мой! Мы совершенно об этом не думали! – ошеломленно произнесла Лили. – Уверена, Джеймсу это даже не приходило в голову. Ведь он горит желанием лишь доказать правильность своей теории о том, что Наксос в те времена был крупнейшим перевалочным и торговым морским портом. Он пишет докторскую диссертацию по этой теме. Неужели такие случаи уже были?

– Да, совсем недавно, – сняв под пристальным взглядом Смолева отчего-то запотевшие очки и протирая их салфеткой, нехотя произнес археолог. – У берегов Франции был обнаружен затонувший этрусский корабль, в обломках которого покоились несколько десятков винных амфор. Возраст находки был определен в две тысячи пятьсот лет. Амфоры оказались запечатаны классическим способом – смолой и глиной – и оставались герметично закрытыми всё это время. Наши амфоры моложе на пятьсот лет, поэтому шансы велики. Кстати сказать, корабль этрусков – далеко не первая находка. И раньше амфоры с вином находили в море. И вино в них было не только пригодным, но и вкусным.

– И что происходит с этим вкусным вином? Неужели все выпивают? – снова поразила молодая англичанка.

– Нет, нет, что вы! Многие подобные находки продаются с аукционов в частные коллекции. Бывает, что вино иногда дегустируется, причём бокал такого вина может стоить до двадцати пяти тысяч евро. Но желающих его продегустировать, как ни странно, очень много.

– О чем вы говорите, Панайотис, друг мой? – поинтересовался Джеймс, вернувшись в компанию с большим блюдом горячих жареных кальмаров и креветок, от которых заманчиво пахло чесноком, лимоном, дымком с гриля и оливковым маслом.

Он пристроил его на стол, для чего Лили пришлось раздвинуть многочисленные тарелки и подносы с салатами и закусками.

– Что стоит двадцать пять тысяч евро?

– Ты кушай, дорогой, кушай. Не отвлекайся! – задумчиво сказала ему Лили, многозначительно взглянув на Смолева. – Я не хочу перебивать тебе аппетит. Ты все узнаешь в свое время.

– Да? Ну и славно. Попробуйте этих кальмаров, друзья, они восхитительны! Говорят, они еще сегодня плавали в море! А креветки, вы видели когда-нибудь креветки такого размера? Это настоящие спартанцы, элита! Смотрите, какие они крупные и упитанные и как чудесно пропеклись! А те, что подают у нас в ресторанах – это просто замороженные недомерки, недостойные жить на свете, из тех, что сбрасывали со скалы во времена Спарты. Впрочем, я бы отправил туда же и большинство наших британских рестораторов. Алекс, Панайотис, друзья мои, почему вы не едите креветки? Присоединяйтесь!

Спустя четверть часа Феодоракис откланялся под предлогом срочных дел в музей и, распрощавшись, покинул компанию.

Алекс провожал его прямую фигуру взглядом до тех пор, пока тот не покинул террасу.

– Вы давно и хорошо его знаете, Джеймс? – задумчиво поинтересовался он у англичанина.

– Как вам сказать, – с набитым ртом ответил он. – Полгода точно!

– Откуда он взялся и как вы познакомились? – спросил Алекс, терпеливо дожидаясь, пока археолог прожует и проглотит огромный кусок «спартанца».

– Его нам Бог послал, – наконец, ответил Джеймс, вытирая бумажной салфеткой замасленные пальцы. – Говорят, что у него была кафедра на археологическом факультете в Салониках. Но из-за конфликта с начальством он ушел и осел здесь, на Наксосе. Кажется, в Салониках у него осталась дочь, в частном колледже, – да, дорогая? – обратился он к жене.

Та кивнула.

– Вот такой человек похоронил себя в этой глуши. Правда, связи в Министерстве культуры у него сохранились по-прежнему неплохие. Он нам очень помог и с разрешениями на раскопки, и с поисками корабля. Мы обследовали пять точек, но все было безуспешно. Я было отчаялся! Но тут появился Панайотис – и все стало получаться, как по волшебству! Как мы познакомились? Он сам мне позвонил. Такая удача! Он взял на себя все организационные вопросы, нанял команду профессиональных водолазов. И они обнаружили корабль в третьем квадрате; оказалось, что мы его попросту пропустили. У него прекрасные организаторские способности, он вообще очень системный и целеустремленный человек. Он мне чем-то напоминает вас, Алекс.

А я чувствую сильный запах серы, подумал Смолев, но вслух произнес:

– Простите за вопрос, Джеймс, но кто финансирует все поисковые и водолазные работы? Если это не секрет.

– Какие секреты у меня могут быть от вас, Алекс? – искренне возмутился археолог. – Тут никаких секретов нет. Все работы финансирую я в рамках гранта, что выделен мне Европейским исследовательским советом совместно с Американским советом ученых обществ в рамках программы раскопок на территории Греции. Все раскопки идут под эгидой Университета в Афинах, Британского музея и кафедры археологии Лондонского университета, где я и преподаю, собственно.

– Ого, – удивился Смолев. – Вы еще и преподаете?

– Вынужден, вынужден. Условие сотрудничества с Университетом. Скучнейшее занятие, скажу я вам! Эти студенты – абсолютно безголовые существа. У этой креветки мозгов больше. Впрочем, я отвлекся. Да, еще в прошлом году я получил премию имени Сетона Ллойда за результаты прошлого сезона, – безмятежно махнул он вилкой с наколотой креветкой. – Но она уже вся потрачена.

– Скажите, а кто составлял официальную заявку в Министерство культуры Греции на проведение подводных археологических работ? И от чьего имени подавалась заявка? Кстати, разрешение вы получили лично?

– Упаси господи! Все делал он, Панайотис, я же говорю вам, Алекс. Он золотой человек: сам все составил и подал по своим каналам! Более того, он даже подсказал способ, чтобы ускорить процедуру! – обмакивая креветку в чесночный соус, заявил Джеймс.

– Неужели? И что же это за способ? – прищурившись, поинтересовался Алекс. – Вдруг мне тоже захочется заняться археологией на Наксосе, а предупрежден – значит вооружен!

– О, это оказалось очень просто. Запрос должен идти от компании, зарегистрированной на территории Греции. Другими словами, местным они верят больше. Панайотис нашел местную компанию, которая и подала заявку. И дело резко ускорилося! Нам дали разрешение всего через две недели, правда, я его даже не читал, оно у Панайотиса. Вы не представляете себе, Алекс, как я ненавижу бюрократические процедуры! Слава Богу, теперь я от них избавлен и могу сосредоточиться на исследованиях и диссертации.

Безмятежно улыбаясь, Джеймс снова занялся блюдом с морепродуктами, обратив свое внимание на кальмаров. Лили уже давно поняла, что Смолев не просто так задает вопросы, и ждала развязки. И развязка не заставила себя ждать.

– Так, ясно, – кивнул Алекс. – А теперь давайте разбираться, Джеймс. И с самого начала. Вы самостоятельно обнаружили древнеримский затонувший корабль с грузом в целости и сохранности. Одно это, само по себе, уже знаковое событие в международной археологии. Вы полностью профинансировали эти поиски из своей премии имени Сетона Ллойда и научных грантов и продолжаете оплачивать водолазные работы и сейчас. Очевидно, что это несколько десятков тысяч фунтов стерлингов. При этом, разрешение на проведение работ, как вы говорите, получено на другое юридическое лицо, зарегистрированное на Наксосе и предложенное вам вашим коллегой Феодоракисом. И вы понятия не имеете, что за люди за этим стоят. Он же полностью распоряжается ходом работ, которые ведутся за ваш счет. И таким образом, при удачном стечении обстоятельств, вся слава археолога достанется ему, а миллионы евро – официальная премия кладоискателя в размере четверти стоимости клада от лица Греческой республики – тому юридическому лицу, которое вы даже не знаете. Да и зачем вам: ведь вы так ненавидите бюрократические процедуры! И разрешение от Министерства культуры вы не читали по той же причине, этим занимается Панайотис. А когда амфоры извлекут из воды – за ваш счет, друг мой, – вы, в лучшем случае, если вам позволят, сможете ознакомиться с находками, описать их и сфотографировать. И то сказать, сомневаюсь, что вас вообще к ним подпустят. Ведь все, что вам нужно – это диссертация. Я все правильно изложил? Поправьте меня, если я где-то ошибся. Я ничего не имею против чистой науки и филантропии, если вы это делаете сознательно.

– П-подождите, Алекс, – внезапно начал заикаться Джеймс Бэрроу, роняя кусок кальмара с вилки прямо на скатерть. – Ч-черт меня возьми! Когда вы это ТАК говорите, то я выгляжу полным идиотом и тупицей... И о каких миллионах евро идет речь, – ради всего святого, ничего не понимаю!

Он растерянно и беспомощно поглядел на Лили, ища у нее поддержки.

– Ты идиот, милый! – та покачала головой и нежно погладила мужа по щеке. – Но я все равно люблю тебя. Что же нам теперь делать, Алекс?

Часть вторая

Там разведен был и сад виноградный богатый, и гроздья
Частью на солнечном месте лежали, сушимые зноем,
Частью же – ждали, чтоб срезал их с лоз виноградарь, иные
Были давимы в чанах, а другие – цвели, иль осыпав
Цвет, созревали и наполнились медленно соком янтарным.

Гомер, «Одиссея»

Очередное чудесное утро на острове началось для Алекса с телефонного звонка из Афин.

Он по привычке сидел в удобном плетеном кресле на балконе своего номера с прекрасным видом на бухту Наксоса. Это была новая привычка, что он приобрел за последний месяц: проснуться как можно раньше, когда солнце только озаряет своим светом линию горизонта, принять холодный душ, растереться махровым полотенцем, накинуть халат и сесть в утренней прохладе в полюбившееся ему кресло, наблюдая, как от встающего солнца на востоке протягивается ослепительная дорожка прямо к его балкону. И эта привычка ему нравилась.

Ему вообще все здесь нравилось, и с каждым днем все больше и больше.

Слушать шелест волн, крики чаек в марине и наблюдать за возвращением рыбаков с ночной ловли. Это были прекрасные два часа перед завтраком, проспять их было бы преступлением. А завтрак? Это был тот редкий случай, когда наслаждение не уступало предвкушению. Алекс очень ценил это время: он успевал передумать о многих вещах, вспомнить то, что хотелось вспомнить, систематизировать и разложить по полочкам у себя в голове впечатления предыдущего дня, пока солнце медленно поднималось над горизонтом и будило остров.

Раздалась трель телефонного звонка. Оказалось, что полковник Виктор Манн – тоже ранняя птичка.

– Правильно ты им все сказал. Пусть он пока возьмет паузу на пару дней. Придумает что-нибудь. Мол, проблемы с банком – как вариант. Сейчас с банками Греции черт знает что творится. Я завтра отправлю к вам пару своих агентов, они возьмут процесс под наблюдение. А вообще, голову надо включать! – назидательно проговорил в трубку заместитель главы Бюро Интерпола. – Чистой науки он захотел! Тоже мне – мечтатель! Это где ж в наше-то время ты найдешь такую роскошь? Все на себя одеяло тянут, что-то выжучивают, выкручивают, отгрызают. Измельчали эллины, всяк свою выгоду блюдет. Кстати, недавно повязали двух местных бедолаг, пытались на черном рынке толкнуть один артефакт – статуэтку эпохи неолита, что они откопали в пещере одной на Пелопоннесе. Слышал историю? Нет? А вот послушай. Вся фигурка – сантиметров тридцать. Штука редкая, ей около восьми тысяч лет. Так они ее оценили в два миллиона евро, по миллиону, значит, на каждого – уж на что хватило фантазии, и пытались сбыть перекупщикам. Ну и продали... Агентам Интерпола, работавшим под прикрытием. Сам понимаешь, статуэтку – в музей, а этим идиотам местный Верховный суд впаял по двадцать лет. Очень громкое было дело. Сейчас с этим в Греции жестко!

– Однако, – удивился Алекс. – За одну статуэтку по двадцать лет?

– Ну да. Они ж ее пытались за бугор сплавить, вроде как богатому китайскому коллекционеру. Им еще за попытку вывоза национального достояния показательно накинули, чтоб остальной народ не расслаблялся. Может, если бы они пытались сбыть в Евросоюз – еще полбеды, а тут – китайскому! – невесело хохотнул Манн. – Судьям сразу за Евросоюз стало обидно. Но это дилетанты. А в твоём случае я не исключаю, что работают профи. Они и законы лучше знают, и шифруются лучше: грамотно пользуются подставными компаниями, да порой так грамотно, что и за хвост не ухватишь! Дай мне время до завтрашнего утра: я твоим Панайоти-

сом Феодоракисом пристально займусь. Пробьём, что за конфликт у него был в Салониках. И, может, еще какие скелеты у него в шкафу. Какие у тебя планы?

– Поеду по местным виноделам с Димитросом Аманатидисом. Уже неделю собирались, но то одно, то другое.

– Да, жизнь у вас там бурлит. Кто бы мог предположить... Кстати, ты в местном археологическом музее был? – неожиданно заинтересовался полковник.

– Ну да, вместе с четой Бэрроу и зашли несколько дней назад. Вид у него, знаешь, мрачноватый. Снаружи – как тюрьма или армейская казарма. А внутри – скромненько так, но есть что посмотреть.

– Ну да, ну да. «Бедненько, но чистенько», – вспомнил полковник Манн старую шутку про нового русского и Эрмитаж. – Ты вот что, Саша, вернешься с виноградников, сходи туда еще раз.

– Да ради бога, – удивился Смолев. – А что именно тебя интересует? Какая-то часть экспозиции?

– Вот экспозиция меня совсем не интересует, с ней эксперты чуть позже будут разбираться. А интересует само здание. Это старое здание когда-то принадлежало иезуитам, ты в курсе? Они его построили в семнадцатом веке. А это был тот еще орден! Впрочем, почему, собственно, был? Он и сейчас есть. Я тебе сегодня перешлю по электронной почте планы здания в разных версиях: начала двадцатого века и семидесятых годов. Понимаешь, в чем тонкость: на старых планах есть подвалы и катакомбы под зданием, а на условно «новых», когда здание передали под музей – их как корова языком слизнула; пара подсобок, хозблок, – и все! А когда стали разбираться, кто планы в семидесятых верстал – оказалось, что одна проектная контора, зарегистрированная в Афинах. Выяснилось, что ее владелец в тысяча девятьсот семьдесят четвертом – сейчас очень известный человек в римской курии. Кардинал, ни больше, ни меньше. Тогда он еще не был кардиналом, но уже был иезуитом.

– А чего ты вдруг заинтересовался старым музеем и его планами? И что мешает Интерполу осмотреть все на месте?

– Коллеги из департамента контроля за древностями попросили помочь кое в чем разобраться. Сейчас после этого нашумевшего процесса шорох пошел по всем службам. Ну, это как у нас в России-матушке, ты же помнишь, пока гром не грянет – мужик не перекрестится. За все музеи взялись, комплексные проверки идут. А по археологическому на Наксосе путаница полная. То у них не хватает чего-то, то наоборот, какие-то излишки. С отчетностью бардак, причем, я думаю, что сознательный. Старый директор музея умер полгода назад, место до сих пор вакантно. А тут еще выясняется, что главный смотритель у вас такой загадочный. А официально осматривать – вдруг кого вспугнем? Больше потеряем.

– Понятно. Так что с подвалами? Хочешь, чтобы я осмотрел? Кто меня пустит без ордера?

– С ордером, капитан, любой дуракйдет. А ты без ордера сходи, покрути носом. Мне тебя учить – только портить! – весело рассмеялся полковник Интерпола. – А вообще, может быть, восстановиться тебе на службе? Не жалеешь, что ушел из разведки? А то – давай к нам! Я похлопочу. Ведомство, конечно, другое, но свои преимущества есть.

– Нет, спасибо. Я пятнадцать лет в запасе. Как выражался покойный месье Мартен: «Это, знаете ли, затягивает!». А потом, сам говоришь, у вас там бардак и сплошная толерантность. Попадется начальник нетрадиционной ориентации – куда бежать: топиться или стреляться? Ты же знаешь, «стерпится – слюбится» – не мой случай, – отшутился Алекс.

Друзья посмеялись и отложили разговор до следующего утра.

Завтрак, как всегда, был великолепен.

Сегодня Ирины с Марией предложили гостям «традиционный кикладский завтрак», объединивший в себе кухню нескольких островов.

Алекс немного задержался из-за телефонного разговора, поэтому, когда он поднялся на верхнюю террасу к ресторану – там уже царило радостное оживление.

Джеймс и Лили радостно помахали ему, при этом у Джеймса в каждой руке было по бутерброду.

Итальянское семейство шумно завтракало в дальнем углу террасы; видимо, Фабрицио снова в чем-то провинился. Он то и дело срывался с места и приносил супруге, что сидела с высоко поднятой головой, то еще чашечку кофе, то тарелку со сладостями.

Еще пара столиков была занята гостями, приехавшими накануне. Алекс их не знал.

Луиджи и Лука уже позавтракали и покинули ресторан – за их столом все тарелки и блюда были девственно чисты.

Пожилая греческая чета завтракала неторопливо, но обстоятельно и размеренно, подходя к этому важному делу со всей ответственностью.

Мария, выглянув из кухни, послала Смолеву воздушный поцелуй и показала ему рукой на столик, где его уже поджидал ее муж.

– Алекс, кали мера! – весело поприветствовал друга Димитрос, наливая Алексу дымящийся кофе и пододвигая серебряный молочник в форме коровы. – Ну что, едем? Спанидисы нас ждут, да и еще в пару винных хозяйств заедем.

– Безусловно, я готов! – подтвердил Смолев, усаживаясь и беспомощно глядя на стол, пытаясь сориентироваться в многообразии блюд с кушаньями.

Глаза у него разбегались. Сегодня опять кухня не повторилась.

– Димитрос, выручайте меня!

– Отлично, тогда надо плотно позавтракать, нас ждет длинный и трудный день! – весело потер руки молодой грек. – Это типичный кикладский завтрак, скажем так, микс лучшего из островной кухни. Смотрите, это традиционные хлебные палочки, булочки и различная выпечка. Они свежие, только испекли. К ним местное сливочное масло и островной апельсиновый джем. – Димитрос пододвинул к Алексу две круглые глиняные плошки. – Вот здесь йогурт и кислое молоко. В тех блюдах тимьяновый мед, кунжутная паста тахини. Вот это попробуйте обязательно – это местное традиционное варенье, потом скажете, из чего. – Димитрос весело подмигнул. – На этом блюде очень вкусные слоеные пироги с сыром и зеленью, это – хорта из Андроса.

– А здесь? – поинтересовался Алекс. – Таких сыров я еще не видел.

– Это копанисти из Миконоса, очень пряный аромат и слегка перченый привкус; местную гравьеру вы пробовали, а вот новый твердый сыр Сан-Михалис. Он из Сироса, вот он лежит, рядом с манурой из Сифноса, – продолжал перечислять без усталы сын хозяйки. – У последнего интересный винный вкус. А вот здесь и мягкие сыры, к ним оливки и томаты.

– Все местное? – уже зная ответ, уточнил Смолев.

– Именно! – кивнул грек. – Так, пойдем дальше! Луза из Миконоса и местный ямбон – сушеная и вяленая свинина. Это фруталия из Андроса: традиционный омлет с копченой колбасой и капелькой аниса. А это сладкая тарелка: лукумия, кунжутные палочки, воздушное миндальное печенье амигдалота из Миконоса, мелитини из Санторини – внутри сливочная мизитра.

– А это что за кастрюльки? – поинтересовался Смолев, указывая на стоявшую рядом со столом тележку, уставленную посудой.

– Это традиционные каши на молоке с корицей, сладкие и пресные, суп из лущеного зеленого горошка. Ну и местные фрукты: виноград, гранаты, сливы и инжир, – пояснил Димитрос.

Смолев какое-то время растерянно блуждал взглядом по столу, не зная, с чего начать.

– Начните с выпечки, островитяне всегда так делают! Приятного аппетита! – добродушно рассмеялся грек, видя выражение лица Смолева, пододвинул к себе миску с йогуртом, добавил в него мед, окунул хлебную палочку и с довольным видом ей захрустел, лукаво поглядывая на будущего хозяина виллы.

– С ума можно сойти! Я, конечно, постараюсь попробовать все, что смогу... А почему трудный день, Димитрос? Я рассчитывал насладиться поездкой по острову, – заметил Алекс, щедро намазывая сливочным маслом и апельсиновым джемом еще теплый хлеб с хрустящей корочкой. Он взял в одну руку бутерброд, в другую – чашку ароматного кофе с молоком и вопросительно посмотрел на грека. – Что такого трудного нас ждет?

– Виноделы, – пожав плечами, лаконично пояснил Димитрос. – Нам придется собраться с духом и выдержать натиск островного гостеприимства. Мы начнем с хозяйства Спанидисов, потом доедем до нашего виноградника. Так сказать, на свежую голову! Посмотрим ближайшие земельные участки. А потом уже – в два винных хозяйства. Больше нам за день не осилить, поверьте моему опыту.

Алекс очень старался, но попробовать все, что стояло на столе, было не в его силах.

Уже заканчивая завтрак, Димитрос придвинул к нему настойчивым жестом блюдечко с тем самым загадочным вареньем и что-то крикнул в сторону кухни.

– Это называется по-гречески «глико ту куталью», что дословно переводится как «сладость в ложке», – пояснил грек, хитро улыбаясь. – Попробуйте, Алекс! Скажу честно: мы поспорили с Марией, узнаете ли вы все ингредиенты. На каждом острове его варят по-своему: из лимонов и апельсинов, инжира и клубники, вишни и черешни. Даже из арбуза, бергамота и грейпфрута. Сотни рецептов и тысячи вариаций. Что вы скажете? Только сосредоточьтесь, Алекс, имейте в виду, я поставил на вас!

Мария и Ирини вышли из кухни и подошли к их столику, широко и загадочно улыбаясь. Ирини качнула головой и что-то произнесла по-гречески, ласково похлопав Алекса по плечу.

– Мама говорит, откуда вам знать, что здесь: ведь это – рецепт варенья, которое варит жена своему мужу на греческих островах, чтобы он ее крепче любил, – перевел Димитрос и добавил, рассмеявшись: – Похоже, в недрах нашей кухни против вашего одиночества зреет заговор, Алекс. Я краем уха слышал, как они составляли список самых красивых невест острова! Если что, бегите, я вас прикрою. Но сначала – попробуйте варенье!

Алекс хмыкнул, пожал плечами. Попробуем, чем они хотят меня удивить! Он зачерпнул небольшую ложечку буровато-красного джема и отправил себе в рот.

Смолев закрыл глаза и попытался отрешиться от всего, разогнать все мысли, сосредоточив все свои чувства на капельке сладкой массы, что лежала у него на языке, постепенно тая и растворяясь. Первое восприятие – всегда самое верное, он это знал. Главное, не перебить его и успеть уловить.

Сначала была пустота. Ни ассоциаций, ни догадок. И вдруг это ощущение пришло к нему из глубин памяти: он в саду на Волге протягивает руки к этому спелому, налитому плоду и,

разломив его пополам, вдыхает его ни с чем не сравнимый аромат, зная, что через мгновение он откусит кисло-сладкую мякоть – и теплый сок побежит по подбородку.

Ощущение было таким ясным и острым, что у него свело скулы, и он инстинктивно вытер рукой с подбородка несуществующий сок. Тем же движением, каким он вытирал его в детстве.

Он открыл глаза и удивился: у столика стоял весь персонал кухни, Джеймс и Лили, Катерина, Мария и Ирини. Все ждали, затаив дыхание, что он скажет.

Алекс покачал головой и отставил баночку.

– На что вы спорили, Димитрос? – поинтересовался он с непроницаемым лицом.

– О, так, безделица, – ответил Димитрос, с тревогой наблюдая за выражением лица собеседника. – Что, никак?

– В следующий раз спорьте на что-то более весомое, дорогой друг! – широко улыбнулся Алекс. – Основной ингредиент – помидоры. Еще есть орехи, по-моему, миндаль. И что-то, что я до конца не уловил, но попробую угадать. Это лепестки какого-то цветка?

– Да! Да-да-да-да! – радостно вскричал Димитрос, пристукнув по столу широкой ладонью от избытка чувств. – Я выиграл! Мария, твой муж прав! Никогда не спорь со мной! —

Мария в ответ нежно обняла мужа и ласково взъерошила ему волосы.

Димитрос перевел Ирини слова Алекса, та радостно закивала головой и расцеловала Смолева в обе щеки под смех и дружные аплодисменты присутствующих.

– Так, Алекс, а теперь быстро уходим, мне не нравится этот подозрительный блеск в глазах моей мамы и моей жены! – рассмеялся Димитрос. – Машина с водителем ждет на стоянке, самое время спастись бегством, если вы не хотите предстать перед алтарем с местной красавицей уже завтра утром.

Ирини, которой Катерина перевела на ухо последнюю фразу Димитроса, весело погрозила сыну кулаком и взмахом рук отправила весь персонал обратно на кухню.

Пока Димитрос нежно прощался с молодой женой, Алекс успел коротко переговорить с Лили и Джеймсом Бэрроу.

– Джеймс, я уезжаю по делам, буду к вечеру. Предлагаю завтра снова посетить вместе археологический музей. Заодно пообщаемся с Феодоракисом. Объясните ему, что банк по техническим причинам приостановил платежи. Скажите, что готовы снова возобновить работы через пару дней, идет?

– Да, конечно, Алекс, мы всецело и полностью полагаемся на вас, – кивнул Джеймс. – Панайотис уже звонил, был очень удивлен, что сроки подъема амфор на поверхность сдвигаются. Я обещал ему перезвонить до обеда.

– Вот и славно. Позвоните ему и скажите, что вы связались с банком и банк остановил платежи по технической причине, что они возобновятся через день-два. Скажите ему, что все в силе, вы готовы по-прежнему с ним сотрудничать. И не нервничайте, хорошо? – Алекс, крепко пожал Джеймсу руку и ободряюще похлопал англичанина по плечу. – Все будет в порядке, вашим делом уже занимаются нужные люди. И еще, когда приезжает представитель от Министерства Культуры по надзору за подводными археологическими раскопками? Кто он и как его зовут, вы уже знаете?

– Ее! – улыбнулась Лили. – Это женщина, Катерина Делапорта, очень известный археолог и отличный специалист. Она уже много лет куратор отдела подводной археологии греческого Министерства Культуры.

– Вы раньше с ней встречались? – поинтересовался Алекс.

– Нет, но все разрешения на подводные археологические работы подписывает именно она уже много лет, – подтвердил Джеймс. – Неудивительно, что она лично решила присутствовать на наших работах. Старые затонувшие корабли – это ее конек.

– Ну и отлично. Встретимся вечером на ужине, обсудим новости.

Димитрос уже ждал его, и Алекс торопливо сбежал вниз по ступенькам к выходу из гостиницы. За разговорами они незаметно прошли пятьсот метров, что отделяли их от стоянки, где ждала машина с водителем.

– Бог мой! Какая встреча! – воскликнул Алекс, увидев белоснежное пятидверное изделие отечественного автопрома. Сверкая на солнце хромированными частями, на стоянке гордо стояла Лада «Нива» собственной персоной. – Это же российская марка! Это что, экспортный вариант? Греция закупает наши автомобили?

– Он утверждает, что именно эта машина сделана в Греции, – выслушав водителя, перевел его слова Димитрос. – Их собирали в Греции в начале двухтысячных, а все комплектующие поступали из России, Германии и Франции. Двигатель – от «Пежо», тормоза – от «Лукаса». Машина отличная. Для островных фермеров и виноделов лучше не найти. Очень распространенная у нас марка. Поедем, Алекс, поедем, еще успеете налюбоваться, он теперь нас хоть каждый день будет возить! Вы с таким восхищением смотрели на его машину, что отныне он ваш друг навеки! Сядем же в машину! По-крайней мере, там прохладнее.

Алекс уселся на переднее сиденье рядом с водителем. Димитрос устроился сзади и похлопал водителя по плечу: мол, поехали! Кондиционер и в самом деле работал на полную мощность. Машина взревела двигателем, плавно развернулась на стоянке и, набирая скорость, покатила по дороге, что вела вглубь острова.

Смолев впервые за этот месяц выбрался из Хоры Наксоса. Он с удовольствием смотрел по сторонам и изучал подробную карту острова, что выдал ему Димитрос. Алекс отметил, что в центре острова находится горный массив с тремя крупными пиками высотой около тысячи метров. Местные деревушки кучно расположились в зеленых долинах или на склонах невысокого горного хребта.

– Димитрос, как называется деревня, куда мы едем? – уточнил он.

– Коронида, она вот здесь, немного правее, – ткнул пальцем в карту грек. – У нее есть еще старое название – Корниаки. Она находится в отличном месте: на горном склоне Коронос, между двумя пиками – Анатематистра и Мавровуни. Там уникальный микроклимат – солнечно, достаточно влаги, каменистая почва. Наш виноградник чуть ниже по склону, вот здесь, почти в долине. У Спанидисов есть отличные сорта винограда, которые исторически выращивали на Наксосе и на других островах. Он все расскажет и покажет. Готовьтесь к дегустации! – весело рассмеялся он и откинулся назад на сиденье.

«Нива» бодро пересекла зеленую долину с оливковыми рощами и фруктовыми садами и начала подниматься в гору по узкому серпантину. Постепенно из окна машины открылся потрясающий вид сверху на долину с разбросанными по ней деревушками из белоснежных домиков, рощами и виноградниками, венецианскими башнями из желтого песчаника и белыми конусами заброшенных ветряных мельниц, одиноко стоявшими на холмах, словно стражи давно забытых времен. «Нива» упорно взбиралась все выше, и скоро пассажиры увидели береговую линию и морскую гладь, уходящую за горизонт. Еще через полчаса машина подкатила к большому крестьянскому дому, скрытому в рощице гранатовых деревьев, стоявшему чуть поодаль от остальной деревни. Навстречу гостям вышли хозяева и проводили их в сад.

– Я расскажу вам старую легенду, которую слышал от своего деда, а тот – от своего деда, а тот – от своего, – хозяин фермы говорил весело и твердо, чуть растягивая слова, время от времени делая паузы для перевода.

Алекс весь превратился в слух.

– Однажды Дионис, будучи еще совсем молодым, отправился к себе домой в Наксос. Путь был долгим, и юноша, устав, присел на камень отдохнуть. У своих ног он заметил удивительно красивый росток, едва пробившийся из земли. Дионис решил взять его и посадить у себя на родине. Он извлек его с корнем и спрятал в небольшую птичью косточку, чтобы

не погиб на солнце. Но росток так быстро рос у него в руках, что вскоре стал намного длиннее косточки.

– Тогда Дионис нашел львиную кость и вложил туда птичью. Но спустя еще какое-то время растение выросло еще больше. И молодому богу пришлось найти кость осла и спрятать в нем растение от солнечного зноя. Вскоре Дионис пришел в Наксос и посадил росток в землю. Когда кустик разросся, на нем появились чудесные грозди, из которых бог вручную выдавил сок, приготовил первый напиток из винограда и стал угощать им людей. Но случилось чудо: когда люди пили немного, они пели, как птицы; выпивали еще – и становились сильными, как львы; когда же они пили много и долго, головы их опускались, как у ослов.

Иоаннис Спанидис сделал очередную паузу, чтобы Димитрос мог перевести его слова для Алекса, глотнул вина и продолжил.

– Даже легенды говорят, что виноделие в Греции зародилось на Наксосу. Более того, все самые знаменитые сорта винограда были выведены именно здесь. Еще полторы тысячи лет назад на нашем острове выращивали сорт винограда без косточек ярко-синего цвета, только название его не дошло до нас. Остров столетиями был весь в виноградниках, – старый фермер махнул рукой. – Куда больше, чем сейчас. Много, много больше!

Они сидели на свежем воздухе в саду гранатовых деревьев, окружавших дом. Хозяин разливал домашнее вино из запотевшего глиняного кувшина, что вынесла им в сад жена фермера. Тяжелые плоды гранатов оттягивали тугие ветви к земле. В саду было прохладно, щебетали птицы, шелестела листва под порывами легкого ветерка. Они сидели за деревянным столом в ожидании, пока жена и дочери Иоанниса подготовят все к дегустации. Было слышно, как хлопали двери, со смехом переговаривались домашние, звонко звенели бокалы, которые расставляли на большом столе на нижней террасе.

– А что случилось? – поинтересовался Алекс.

– Турки! – коротко ответил винодел. – Триста лет они убивали лозу на острове, как и во всей Греции. И тех, кто ее возделывал. Так было до середины девятнадцатого века, пока остров снова не стал греческим. Все, что есть на острове сейчас – это результат тяжелого крестьянского труда немногих, кто хочет возродить на Наксосу виноделие. Таких как Димитрос! – он указал с гордостью на спутника Смолева. – Мой крестник! Таким был и его отец Георгиос. И его отец им всегда гордился, хоть может и нечасто говорил ему об этом. Но я-то всегда это знал. Ладно, что уж теперь... Пойдемте, жена зовет, все готово!

Из дегустации, что длилась без малого четыре часа, Алекс усвоил, что основными белыми сортами винограда, которые выращивает Спанидис, были асиртико и вилана. Из красных же сортов он выбрал агиоргитико мавро, котсифали и ксиномавро.

Винодел разливал вино по бокалам, сообщал из какого винограда и в каком районе Греции оно было сделано; потом для сравнения наливал свое вино из того же сорта винограда. Давал возможность попробовать и сказать свое мнение, а потом объяснял разницу во вкусах и причины, которыми она обусловлена. Затем они споласкивали рот холодной водой, заедали хлебным мякишем и пробовали снова и снова.

К концу дегустации Алекс понял, что дегустация вин не имеет ничего общего с развлечением.

Смолев не считал себя винным экспертом, но и он почувствовал, что местные вина ни в чем не уступали винам с материковой Греции, Крита и Кипра, а порой и превосходили их качеством вкусового букета, балансом кислотности и минеральности. Желание завести свой виноградник на острове только укрепилось в нем. Особенно его поразило красное вино ксиномавро – Спанидис предложил им на выбор классический вариант этого вина из Пелопонесса, а потом – свои два сорта. Одно вино было сделано из винограда с горного склона, другое – из долины. Вино было бархатным, полнотелым, хорошо сбалансированным, с ароматом от фиалок до оливковой пасты.

Из белых вин Алекс отдал предпочтение ассиртико. Оказалось, что эту лозу фермер привез с Санторини. Димитрос добавил от себя, что возраст виноградников Санторини составляет более трех с половиной тысяч лет, древнейшие лозы растут на собственных корнях, ибо филлоксера обходит остров стороной. И хоть почва Наксоса отличается от вулканического песка на Санторини, но лоза, что прижилась на каменистых склонах, дает замечательный урожай.

– Ну вот, рассказал, что знал. Наша задача – возродить виноградники на нашем острове. Этим я занимаюсь всю жизнь, а ведь мне скоро восемьдесят, – широко улыбнулся Спанидис в заключение, спустя четыре часа. – Так что, молодые люди, за дело! Обращайтесь, я всегда помогу, чем смогу. Виноградник у Аманатидисов отменный, не зря я его покупал. Да и старый Георгиос знал, что отдаст в надежные руки. Отличная лоза ассиртико, добротная, ухоженная. Заслуга Димитроса! Теперь он сам снимет первый урожай с семейного виноградника. Но этот участок в долине. Вы же, когда будете покупать, присмотрите тот, что на горном склоне с южной стороны, – посоветовал он напоследок. – С Богом!

– Куда сейчас, Димитрос? – уточнил Алекс, когда они разбудили водителя, сладко дремавшего в тенечке после сытного обеда, уселись в машину и выехали с фермы Спанидисов.

Визит к фермеру с непривычки дался Смолеву тяжело. В голове слегка шумело и клонило в сон.

– Вы готовы выдержать еще пару дегустаций? – поинтересовался Димитрос, устало откинувшись на сиденье и прикрыв глаза.

– Боюсь, что нет! – решительно отказался Алекс. – «Хорошего помаленьку», говорят у нас. Может быть, мы осмотрим ваш виноградник и тот горный склон, о котором сказал Иоаннис?

– Хорошо, – согласился грек. – Тогда в другой последовательности. Сейчас мы доедем до одной горной деревушки Керамоти: именно в ее окрестностях есть смысл поискать участок. Там делают прекрасные белые вина и чудесный тимьяновый мед. А потом мы спустимся в долину и навестим ферму, а затем вернемся на виллу. Устроит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.